

Копипаста: Как дед пофапать решил — Lurkmore

Теплым майским утром пенсионер Афанасий Петрович проснулся от того, что ощутил некое шевеление в штанах. Подобных ощущений он не испытывал уже давно, и уже свыкся с мыслью, что в его возрасте их не может быть в принципе, а тут- на тебе! "Едрить тебя за ногу!- недовольно ворчал дед, ухватившись рукой за внезапно оживший корень и пытаюсь пригнуть его вниз,- эко тебя подняла нелегкая, а я то и забыл про тебя совсем, думал, ты уж совсем усох... что ж я теперича делать буду?.." Дед не даром был столь озадачен. Бабка уже пять лет как померла, помочь ему было некому. Зажав хуй в кулаке, держа в другой руке костыль, дед стыдливо выглянул в прихожую, потом заглянул на кухню. Внук Алешка давно ушел на работу, и дед был в квартире абсолютно один. Жил он с внуком вдвоем в однокомнатной квартире, которую он, как ветеран труда и победитель социалистических соревнований, получил от щедрого правительства еще в стародавние времена, когда заводы работали и космические спутники бороздили бескрайние просторы. А дряхлый дедов хуй, тем временем, однако и не думал падать. Помета по сусекам, дед нашел в ящике стола заплесневелый и кем то с одной стороны надкусанный колобок размером с детскую голову. Колобок был весьма тверд и зелен, видимо, давно пылился, дожидаясь своей участи, при желании им можно было бы колоть орехи и ломать кирпичные перекрытия между комнатами хрущевки. Но дед знал, как поступить. Обильно смочив колобка горячей водой из под крана, он поместил его на три минуты в микроволновку. Когда дед распахнул дверцу печки, из нее повалил душистый хлебный пар вперемешку с ароматами плесени и мышинного дерьма. Дед извлек помолодевшего и ставшего румяным колобка, ойкая от жара и подбрасывая его в руках, чтобы не обжечься, и положил его на стол охладиться. Через пять минут колобок был готов к совокуплению. Дед заботливо проковырял в лице колобка два глаза и сделал ему рот. Теперь он приобрел более одухотворенные черты. Принеся эту черствую головешку в комнату, дед спустил кальсоны и присел на кровать перед фотографией бабки, попутно мусоля свой вялый хуй и теребя себя за яйца. Перед тем, как приступить к мастурбации, дед заботливо отвернул лицом к стене портрет товарища Сталина в маршалских погонах и в белом френче. На глазах у вождя рукоблудствовать он не мог, в ушах так и звучал знакомый голос с мягким акцентом, стыдивший его: "Апят ти дрочишь? вай-вай, а еще и коммунист!" На белой картонке, из которой состояла обратная сторона портрета, рукой дедова внука красным фломастером было аккуратно выведено слово "ХУЙ". Агафья Алексеевна укоризненно наблюдала за занятием супруга с фотокарточки. Дед тем временем присунул колобку в глаз, потыкал чуть-чуть и вытащил. "Нет,- в сердцах подумал он,- негоже так!.. надо в рот.." На том порешив, дед стал шурудить хуем в прорехе пошире. Колобок улыбался ему своей безглазой улыбкой. Черствые крошки неприятно царапали по дедовой залупе. "Глашенька моя.. милая моя, родная,- сладострастно шептал дед, не сводя глаз с фотографии,- как же я по тебе соскучился, истосковался то весь..." Через пять минут таких упражнений деду стало почему то неловко от взгляда жены. Он закряхтел и призадумался, а потом тоже развернул фотографию лицом к стене. "Эдак я никогда не кончу",- промелькнуло у него в голове. "Надо у Алешкином компьютере посмотреть.. этих, как его... блядищ то... у него должны быть.. в интэрнете одни только проститутки и есть.." Придя к такому умозаключению, дед отложил колобка в сторонку и включил компьютер. Надо сказать, что новшества века информационных технологий не были ему чужды. Внук научил его пользоваться компьютером давно, дед умел выделять объекты правой кнопкой мыши и даже регулярно почитывал книги в формате "ms Word". Но сейчас ему нужно было другое. Он знал, был уверен, что внук тайком хранит на винчестере фото с голыми распутными девками. Трясущимися руками дед перерыл папки на диске D и наконец нашел то, что искал общей папке безопасной среды Касперского. "То что надо!"- мысленно обрадовался дед, одной рукой щелкая по желтому квадратику, а другой натирая шкуру. Вставная челюсть клацала во рту от возбуждения. "А ну-ко",- прошептал он, щелкая на папку с надписью "Lisa Ann". Взору его предстала зрелая темноволосяя грудастая женщина, хоть уже и немолодая, но с очень аппетитной задницей и большими упругими титьками. У деда перехватило дыхание и пульс гулко забился где то в гортани. "От блядишша то, а, ты посмотри ко...-шептал старый, напяливая на нос очки и прокручивая фотографии вниз,- проклятые буржуи, один разврат у них, от, манду свою как показывает то, а, ты посмотри..." Дед качал головой, вытирая слюни с губ и не знал куда деть свои потные ладони. Он принялся было на чем свет стоит ругать распущенный империалистический запад, представляя себе, как на берегу Нью-Йоркского залива стоит Статуя Свободы в буденовке, со сталинскими усами и красным знаменем в руках, но вовремя почувствовал, что от этой пламенной риторики у него падает хуй, отогнал от себя видения мировой революции и вернулся к просмотру картинок. Он раньше умел читать латинский шрифт и даже когда то помнил, как по немецки будет "доброе утро", но давно забыл. "Странные у них имена, в Америке то,- подумал он,- от, "лиса" написано... Ну да ладно.. Сичас я тебе, Лисонька ты моя, Лисичка..." С этими словами дед вернулся к колобку. Развернув фото голой Лизы Энн на весь экран, дед стал ебать колобка в рот, представляя, что он дает за щеку Лизе, а ее большие прохладные дойки с нежной шелковистой кожей мягко шлепаются об его колени. Внезапно дед заметил, что колобок на него смотрит, хотя у него и не было глаз. Дед потряс головой, испуганно пробомотал "ты мне это прекращай!.." и снова взглянул на него. Но колобок и не думал прекращать. Взгляд его пустых хлебных глазниц не отрываясь следил за дедом. Деду стало страшно, и тут колобок несильно укусил его за хуй. От страха руки деда разжались, и колобок с глухим стуком ударился об пол.

-Ай блядь!- звонко вскрикнул он, а потом напал на деда,- ах ты, старый хуеглот!! Мало того, что в глаз меня трахаешь, так еще и головой об пол уебал! Ты бы хоть хуй вымыл, прежде чем о ебле думать, пидор ты дряхлый!

Ноги у деда ходили ходуном. Он попятился назад и, ткнувшись тощим хребтом об стену, смотрел оттуда

на лежащий посреди комнаты круглый черствый кусок теста, который вдруг ожил и ведет с ним беседы. Дед ощутил, как по внутренней стороне дряблой ляжки тонкой вялой струйкой стекает моча. Он медленно поднял руку, будто к ней была привязана тридцатидвухкилограммовая гири и перекрестился, хоть и был всю сознательную жизнь коммунистом.

-От блядь, не, ну вы посмотрите на него, а? Вот ты старый пидарас!- снова обратился колобок к деду.- Что ты рукой соваешь туда-сюда? Тебе разве в партшколе не рассказывали, что бога нет? Ну и уебок, блядь. Дрочун хуев. Стыдно небось, перед вождем,- колобок кивнул на белый лист бумаги с тремя красными буквами,- что ты его к стенке развернул? Да за такое тебя в тридцать седьмом году самого бы к стенке поставили! Что молчишь? -Да...- трясущимися губами сказал дед, медленно оседая на пол, в лужу собственной мочи. По его подбородку от страха текли слезы. -Ну так подними меня, чего стоишь то? Я хочу, чтобы ты ебал меня! Еби меня, спермохлеб ты старый! Только не в глаз. В рот еби. Я хочу, чтобы ты кончил. Забочусь о тебе, блядь. Цени заботу, сука!

Дед кое как выполз из угла, дрожащими руками поднял колобка с пола, поставил его на стол и уже задрочил успевший окончательно упасть хуй, как сзади раздался громкий хлопок, так что даже глухому деду слегка заложило уши.

Обернувшись назад, он обомлел. Из рассеивающихся клубов дыма, которыми заволокло часть прихожей и дверь в кладовку, обворожительно покачивая полными бедрами, навстречу деду вышла шикарная Лиза Энн. Между ног у нее воинственно торчал полупрозрачный резиновый член перламутрового цвета, пристегнутый к низу живота ремешками. Беззастенчиво смерив деда с головы до ног взглядом своих черных глаз, она на мгновение задержалась на его дряблом маленьком хуе, который болтался между ног, как тряпочка, едва заметно усмехнулась краем губ и присела на подлокотник кресла, закинув ногу за ногу. Дед жадно пялился на ее прелести, не веря своим глазам и не в силах оторваться, и вскоре снова почувствовал прилив сил к мошонке.

-Ну что, нравлюсь?- томным голосом прервала наконец молчание Лиза. К удивлению деда, она говорила на чистом русском языке.- Так и будем в гляделки играть, или может уже трахаться будем? -Ты кто?- только и смог промямлить ошеломленный дед обессилевшим голосом. Слишком много впечатлений свалилось на него в это утро. -А ты сам то не помнишь, на кого свой стручок гонял? Лиза, Лисонька, Лисичка... Ну?- она выжидающе посмотрела на деда, в надежде, что тот вспомнит. Но он только стоял, оттопырив губу и с дебильным выражением лица тупо смотрел на ее пышную грудь. -Так, все понятно,- Лиза вздохнула, скучающим взглядом посмотрела на свой маникюр, поправила рукой резиновый член и встала с кресла,- только время зря потеряла. Я думала, тебе нравятся женщины. Ну и хорошо, вот и трахайся с ним,- кивнула она в сторону колобка, который все это время лежал на столе и внимательно слушал разговор.- Я одного не пойму,- продолжала Лиза,- неужели вот оно на самом деле лучше, чем живая женщина??? Прощай! -Ну и пиздуй,- крикнул колобок ей вслед.- К ебени матери на воздушном катере! Вот шлюха!!! Ишь ты, жопой тут вертит, мужика у меня отбивает! Дед!! Ну ты будешь меня трахать, или нет?? Зря что ли меня из пылщи то достал? -Стой!.. Дочка, стой!. Не уходи!...-дед будто воспрянул ото сна и бросился наперерез Лизе и перегородил ей дорогу.- Все что хочешь для тебя сделаю, дочка!- И дед принялся яростно дергать себя за половой отросток, пытаясь вернуть его к жизни. Но несмотря на все усилия, у деда так ничего не вышло. Хуй его безжизненно болтался, судя по всему, от перенесенного стресса он умер окончательно. Отчаявшись придать ему боевое положение, дед прислонился к дверному косяку и натурально зарыдал от досады и осознания своего бессилия. Лиза еще с полминуты ласково потеревила дедов писюн, но убедившись в бесполезности этой затеи, скоро бросила. Из комнаты доносилось глухое бубнение колобка, видимо, он ругал плохими словами шлюх, и деда с ними заодно. -Ладно, не плачь,- сказала она, прижимая его седую голову к своей груди,- я тебе помогу. Раз от твоего "агрегата" толку нет,- она шуточно щелкнула пальцами по красной съезжившейся дедовой залупе,- то я применю свой,- Лиза пару раз шлепнула о свою ладонь головкой резинового хуя.- В общем, могу выебать тебя в твою дряхлую жопу. У нас на нашем загнивающем западе эта штука называется "страпон". Так что решать тебе. Или я тебя сейчас трахаю в седое обосранное очко, или мы прощаемся.

"Ишь ты, сракон,- подумал дед,- какое название точное, это потому видать, што он у сраку хорошо входит... Ну а чего мне старому то терять?.. Тем более, что вот говорят, в жизни, мол, надо все попробовать, а меня бабка то моя, когда была живая ишшо, только скалкой с занозами в жопу радовала, когда я с заседания райкома домой пьяный в дупель приходил..." -Я согласен, дочка,- сказал дед.- Делай с моей сракой што хошь. Хоть секса нормального поимею на старости лет. -Эээ,- раздался голос из комнаты,- вы чего там договариваетесь без меня? Дед, ты охуел??? Я тоже секса поиметь хочу! Возьмите и меня в групповуху, будем паровозиком трахаться!- не унимался любвеобильный колобок.

Лиза поставила деда раком, поплевала на свой хуй и с размаху вогнула ему в сраку по самый корень. Дед ойкнул и почувствовал, как внутри его кишечника тысячей атомных бомб взорвались геморроидальные шишки. Боль волной отдалась в мозгу, и дед закричал. Нет, он завопил, завизжал, как свинья, которую режут, и попытался оттолкнуть Лизу и ухватиться рукой за то невидимое, что раздирало его внутренности. А тем временем ее хуй казалось уже протаранил стенки кишечника и достал до желудка, вгрызаясь в тело все глубже. "Аяяяяяй,- визжал дед, как ушибленная собака и извивался на хую,- ааааай, хватит! хватит, говорю! ооойойойой, бляяяяаааадь!....." Жидкое говно стекало по дедовым ляжкам, смешиваясь с кровью, что хлестала из разорванной жопы тонкими струйками. Кроваво-коричневое месиво хлопало под Лизиним хуем, а она с каждой фриക്ഷией заботливо засовывала его обратно в задницу. "Йееееес, фак, фак,- подбадривала она деда по-английски, но он уже мало что соображал и болтался на ее хую, как безвольная тряпичная кукла,- ю кам? ю лайк май факин кок? еееееее... май биг факин кок!!.."

Внезапно колобок, доселе мирно лежавший на столе, вдруг упал на пол, а потом высоко подпрыгнув, вцепился деду прямо в его дряблый хуй и сразу же откусил его вместе с яйцами. Он больше не был похож на колобок. На том месте, где дед пальцами проделал ему рот, у колобка было множество кривых и острых зубов. Теряя сознание, дед увидел, как тот хищно осерился, а потом прыгнул, и вцепившись деду в ляжки, стал рвать их на лоскуты. Кровь хлестала из оторванных половых органов уже фонтаном, Лиза бурила дедову анальную шахту, вся облитая кровью и измазанная в дерьме, а колобок скоро обглодал бедра старика до желтых костей. Внезапно за окном громыхнул необычайной силы взрыв, от которого вылетели стекла и засыпали серебристым дождем всех находящихся в комнате, сбив их на пол. Стало нестерпимо жарко, тоненькие язычки пламени задорно побежали по обоям, и вскоре уже лизали потолок. За городом в небо поднимался огромный, похожий на причудливый гигантский хуй, многокилометровый столб дыма гнойно-ржаво-багрового цвета, тонны пыли, поднявшиеся в небо, затмили свет. Из за горизонта на полнеба взошел ослепительный испепеляющий диск, как будто Земля стала в тысячу раз ближе к Солнцу. Тут и там, насколько хватало глаз, из окон многоэтажек к небу поднимались черные дымы. Над городом кружились самолеты, на их крыльях можно было разглядеть нарисованные свастики. Входная дверь с грохотом упала на пол, сорванная с петель, и в квартиру ворвалась дюжина здоровенных негров в эсэсовской форме, в касках с рунами и с автоматами наперевес. Они схватили Лизу, и швырнув ее на пол, достали из штанов метровые хуи и принялись надрачивать их перед ее лицом, а потом без всяких прелюдий засунули ей по хую в пизду и жопу и по два в рот, остальные трахали Лизу в подмышки и дрочили, стоя вокруг нее. Лиза вся извивалась, бешено прыгала на черных хуях, как в последний раз, сосала их, пуская густую тянучую слюну на измазанную в крови и экскрементах грудь и неистово стонала в непрерывном оргазме: "Еееееес, ай кам, ай кам, ай кам, оу еееее, айм хоур, май пусси кааааааам, факфакфак, еееееес, джус лайкта, моар, дипа, дипа, ооооооооо, фак май май пул, фак май факин эсс, донт стап, битчез!.." Но дед не видел этого непотребства. Он умер еще до того, как прогремел первый взрыв. Рядом с кончающей Лизой и хором стонущих негров-нацистов клыкастый колобок с хрустом ломал обнажившиеся ребра у бесчувственного трупа деда, смачно обгладывая их и пытаясь перевернуть тело на живот, чтобы добраться до вкусных позвоночных хрящиков. В этот момент оглушительно грянул второй, еще более мощный взрыв, не более, чем в двух километрах, и комната, рассыпаясь в прах со всей мебелью, Лизой и неграми растворилась в смертоносном очищающем пламени, которое заполнило собой все...

...-Нина Николаевна, а дедушка обосрался,- донесся откуда то насмешливый детский голос. -Настенька, что ты такое говоришь!- возмущенно шикнула на девочку учительница.- Сиди тихо! -Нина Николаевна! Нина Николаевна,- со всех сторон загалдели голоса.- Он и вправду обосрался, понюхайте, говном воняет, хихи!..

Дед, сидевший в кресле, внезапно встрепенулся и чуть не сполз на пол. В голове его еще гудело эхо ядерного взрыва. Он привстал с кресла, пробуждаясь от дремоты. На груди звенели медали. В галифе было как то мокро и неприятно, и это неприятное ощущение уже добралось до сапога. Еще не до конца проснувшись и не отличая явь ото сна, дед, думая, что африканские фашисты продолжают ядерную бомбардировку города, неуклюже размахнулся клюкой, заевенив попутно ею по голове чьей то жирной мамаше, сидевшей в кресле впереди, вообразил, что это не клюка, а граната, и швырнул ее на сцену, прямо под ноги самодеятельному школьному коллективу, певшему в тот момент "Раскудрявый клен зеленый, лист резной...". В школьном актовом зале повисла неловкая тишина. Участники ансамбля закрыли рты и в недоумении усталились в зрительный зал, туда, откуда прилетела палка. Фонограмма в это время продолжала играть. Все стали с интересом оборачиваться и смотреть на деда, который стоял уже во весь рост. -Вы... Фашисты, блядь,- лицо его покраснело, медали на груди звенели, он стоял с суровым лицом и смотрел на сцену, потрясая сжатым кулаком и распространяя вокруг себя аромат говна.- Я вас давил и давить буду нахуй!

Все сконфуженно молчали. Потом до деда вроде дошло, что он находится не на войне, а в актовом зале школы, куда его пригласили в честь дня Победы. На глазах лицо его принимало все более растерянный вид, к тому же дед видимо понял, что он обосрался и говно, хлюпая у него в мотне, медленно стекает в сапог. Дед стал растерянно озираться, как бы ища поддержки и сочувствия у окружающих, но на него со всех сторон осуждающе смотрели каменные лица школьников и учителей. Молодая учительница начальных классов Нина Николаевна взяла его за руку и вытащив с места, осторожно повела к выходу, приговаривая на ходу: "Пойдемте, дедушка, пойдемте, свежим воздухом подышите, а то Вам вот плохо стало..."- и вывела его за дверь. Дети и взрослые снова обратили свое внимание на сцену, и вскоре все уже позабыли о неприятной выходке выжившего из ума ветерана войны.

Читайте ещё

- [Рак, убивающий /b/](#)